

ВИДЫ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ И СПОСОБЫ ИХ ЭКСПЛИКАЦИИ

В данной статье представлена возможность построения комплексной типологии скрытых смыслов в рамках когнитивного направления, позволяющего выявить их способы кодирования и декодирования в художественном дискурсе.

Ключевые слова: скрытый смысл, интенциональность, кодирование, декодирование, индексы скрытого смысла, дискурс, экспликация, интерпретация, умозаключение.

O. V. Voronushkina

TYPES OF THE IMPLICIT MEANINGS AND WAYS OF THEIR EXPLICATION

This article presents a possibility of creating a complex typology of the implicit meanings within the cognitive area of focus, allowing to reveal their ways of coding and decoding in the art discourse.

Key words: implicit meaning, intentionality, coding, decoding, markers of the implicit meaning, discourse, explication, interpretation, conclusion.

Понимание скрытого смысла неразрывно связано с понятием «множественного смысла». Эта множественность смыслов реализуется на разных уровнях и в разных плоскостях взаимодействия говорящего, адресата и самого высказывания. Исходя из этого, в предлагаемом исследовании в качестве скрытого смысла рассматривается информация контентно не эксплицированная, но присутствующая либо в лексико-семантическом комплексе и в грамматических явлениях, либо в пресуппозициях и пропозициях, либо в интенциональной и мотивационной сферах.

Скрытые смыслы художественного дискурса могут быть подвергнуты комплексной характеристике по разным критериям, на которых и остановимся в рамках данной работы. Актуальность такого исследования безусловна, поскольку в основе лежит стремление максимально познать предмет, увеличивая информационный объем, с одной стороны, и раскрывая его сущностные характеристики – с другой стороны, что создает оптимальные условия для успешной коммуникации.

Так как функционирование скрытых смыслов в акте коммуникации предполагает взаимодействие субъекта (говорящего/пишущего) и объекта (слушающего, читающего), то, в первую очередь, логично было бы предложить рассмотрение *субъектных и объектных скрытых смыслов*, которые актуализуют обязательное включение *личностного фактора двойственного характера*, т. е. не только продуцента, но и реципиента. Субъектные скрытые смыслы представляют собой авторские интенции (интенции говорящего), которые декодируются с помощью языковой наполняемости высказывания или какого-либо текста. Интенциональный код высказывания и его смысловая картина не могут совпадать, поскольку между ними существует причинно-следственная связь, когда скрытый смысл декодируется через языковые средства, в то время как языковые средства отбираются для использования в соответствии с интенциями говорящего. Поэтому было бы корректнее называть предложенческие скрытые смыслы – объектными, а интенциональные – субъектными. «Для прогнозирования объектных скрытых смыслов может быть достаточно опоры на актуальность отдельных языковых единиц, тогда как скрытые смыслы субъектного свойства открываются в результате логических рассуждений с учетом языкового комплекса конкретно-го высказывания или текста» [1, с. 62].

Таким образом, в соответствии с подходом «от автора к тексту» субъектный скрытый смысл является специально словесно невыраженной или выраженной с помощью определенных знаков (намёков) информацией, связанной с автором данного высказывания/текста и условиями его формирования.

Представляется, что субъектные скрытые смыслы, в свою очередь, можно ранжировать *по степени их интенциональности*, которая связана с наличием или отсутствием намерения

говорящего передать информацию косвенным путем. Фактор намеренного подразумевания позволяет автору увеличить (или углубить) объем передаваемой в высказывании информации. Так, в качестве примера в данном случае можно привести репортаж Э. Э. Киша «Спасательный круг на мостике» (“Rettungsring an einer kleinen Brücke”), в котором описывается зверское убийство вождей немецкого рабочего класса Р. Люксембург и К. Либкнехта. Жертвы были сброшены с мостика, на котором висел спасательный круг как символ гуманизма. Представленная репортером картина убийства наглядно показывает, чего этот символ стоит. Автор, таким образом, дает скрытую оценку происходящим в стране событиям и провоцирует читателя на активное противостояние существующему порядку. Следовательно, намеренное введение «символа гуманизма» в название и текст репортажа ведет к видимым изменениям, как в объеме передаваемой информации, так и в ее характере.

Критерий интенциональности, по мнению А. А. Масленниковой, может выступать детерминантой системы скрытых смыслов, что позволяет выделить «три подсистемы: подсистему неинтенциональных / языковых скрытых смыслов, подсистему социально-значимых и конвенциональных скрытых смыслов и подсистему интенциональных скрытых смыслов, намеренно создаваемых говорящим для привлечения внимания адресата» [2, с. 6]. Подобная классификация, однако, видится неполной и односторонней, так как в большей степени касается только субъектного скрытого смысла.

Намеренное подразумевание может быть противопоставлено случайному возникновению скрытого смысла, когда автором не вкладывается и не планируется, а спонтанно возникает скрытый смысл. Кроме того, можно предположить наличие промежуточного варианта, когда интенциональность постепенно перерастает в универсальность употребления. Наглядно, это можно пронаблюдать на примере устоявшихся, «универсальных» корреляций скрытого и буквального смыслов, представленных в общепринятых метафорах, символах и аллегориях немецкого языка: *die Rose* – CC: *die Schönheit*; *das Ölblatt* – CC: *der Frieden*; *der Hase* – CC: *die Feigheit*; *der Fuchs* – CC: *die Schlauheit* и т. д. Или другой пример: Е. Штриттматтер начинает свой роман “*Ole Bienkopp*” следующими символами:

Die Erde reist durch den Weltenraum. Der Mensch sendet eiserne Tauben aus und harrt ungeduldig ihrer Heimkehr. Er wartet auf ein Ölblatt von Brüdern auf anderen Sternen [3, с. 7].

«Eiserne Tauben» – летающие корабли, которые покоряют космос в мирных целях. Данное иносказание является индивидуальным, однако усвоить его легко исходя из контекста. Другой контекстно независимый и общепризнанный символ мира (Frieden) – «Ölblatt».

Рассматривая вопрос об универсальных текстовых категориях, Л. А. Исаева признает пресуппозициональные скрытые смыслы универсальными для текстов всех видов, так как понимание текста невозможно без использования в скрытом виде некоторого «фонда общих знаний», «предварительного договора» (Н. Д. Арутюнова) автора и читателя [4, с. 45]. Исследуя стратегию понимания высказывания, М. Бирвиш выделяет концептуально важное положение: «Данная интерпретация является результатом использования как лингвистических, так и нелингвистических знаний, так что в общем случае невозможно выделить чисто лингвистические этапы этого процесса». Указанное положение универсально и применимо к пониманию иноязычного дискурса.

При подходе «от текста к автору» выявляемый скрытый смысл есть чисто лингвистическое понятие. Это, по определению И. Р. Гальперина, явление, выводимое из способности предложения порождать дополнительный смысл благодаря разным структурным особенностям, своеобразию сочетания предложений, символике языковых фактов, которое соотносится с буквальным как тема и рема, имплицитный по своей природе и основывающийся либо на ситуации, ранее описанной в тексте, либо на ассоциации, прямо не связанной с фактом, опирающейся на привычку связывать изложенное вербально с накапливаемым жизненным опытом [5]. При таком подходе лингвистически исследуемыми становятся и собственно *текстовые*, и *пресуппозициональные*, и «*вертикально контекстуальные*» скрытые смыслы.

Наиболее актуальным в последнее время представляется подход «от читательского восприятия», который заключается в рассмотрении категории смысла в аспекте понимания (декодирования). Цель предлагаемого подхода – разработка определенной методики декодирования скрытых смыслов в разноуровневом языковом, а точнее, коммуникативном пространстве.

Разнообразие подходов к изучению скрытого смысла возникло не случайно и обусловлено тем, что понимание смысла текста всегда было и остается главной целью его изучения. Актуализация смысловой картины происходит часто на подсознательном уровне в соответствии с интеллектуальной и языковой компетентностью объекта речи. При всей важности дешифровки языковых знаков, знание иностранного языка является недостаточным фактором для адекватного понимания смысла текста (а особенно скрытого, неявного). Решающую роль здесь играет точная референция, соотнесение высказывания с реальностью, которая изображается в дискурсе [6, с. 43]. Актуальным, таким образом, становится не только создание общей картины раскрытия смысла высказывания/текста, но и установление механизмов, позволяющих проникнуть в глубины сознательного и бессознательного в процессе декодирования.

Декодирование – суть восприятия речи адресатом, поиски и обнаружение скрытых смыслов в высказываниях адресанта, художественном или публицистическом тексте, дискурсе. Процесс декодирования – это множество мыслительных операций, непосредственно связанных с нашей когницией. В сознании человека возникают мыслительные цепочки, состоящие из определённых звеньев – микроконцептов и концептов. Чаще всего возникающие в нашем сознании ассоциации и образы помогают нам понять истинный смысл, например, метафорических, аллегорических или фразеологических высказываний, что обеспечивает успешность коммуникации. Однако образное мышление не способствует выявлению скрытого смысла высказываний, содержащих, например, грамматические формы с имплицитным потенциалом. В данном случае должна быть использована другая более конкретная методика.

Объектные скрытые смыслы, таким образом, можно систематизировать исходя из *возможности или способа их экспликации*. Вследствие отсутствия эксплицитного выражения в тексте, объектный скрытый смысл представляет собой лишь возможный вариант интерпретации высказывания/текста. Выбор данного варианта полностью находится в компетенции слушающего и зависит от его способности видеть этот истинный смысл. При этом слушающий не выбирает из некоего набора возможных интерпретаций, он сам конструирует свою интерпретацию, заполняя пробелы в высказывании говорящего. Иными словами, скрытый смысл – это та часть информации, которая не выражается напрямую, а восстанавливается адресатом в результате соотнесения высказывания с контекстом общения. Таким образом, объектный скрытый смысл относится не столько к области подразумеваемого, сколько вовлекается в сферу умозаключения, логического вывода знаний в процессе обработки информации. Смыслы, привнесенные адресатом в текст сообщения, нередко преобразуют смысл говорящего, превращая последний в скрытый смысл. Умозаключения адресата строятся на основании информации, содержащейся в высказывании, но они могут оказываться под влиянием картины мира адресата, отличной от картины мира говорящего. Адресат может по-своему воспринимать конкретную ситуацию или исходить из иной системы ценностей. Кроме того, само высказывание может обладать неоднозначностью, открывающей возможность альтернативной интерпретации.

Из вышесказанного следует, что при декодировании скрытого смысла высказывания могут иметь место три ситуации развития: а) адресат приходит к дополнительным умозаключениям, увеличивающим объем субъектного смысла; б) происходит полное расхождение субъектного и объектного смыслов, т. е. смыслы говорящего и адресата оказываются в разных плоскостях; в) наблюдается тождество скрытых смыслов продуцента и реципиента, на основании которого и происходит актуализация высказывания.

В первом (а) и третьем (с) случае можно говорить об успешности коммуникации, базирующейся на языковой, интеллектуальной, ментальной общности продуцента и реципиента. Кроме того, процесс понимания текста или высказывания может быть результативным лишь при комплексном подходе к осмыслению события. Контекст – необходимое условие коммуникации. Он находится в непосредственной зависимости от индивидуальных особенностей воспринимающего, его концептосферы. Вне контекста многие высказывания могут трактоваться буквально (неверно), что ведёт к безуспешности коммуникации (б).

Скрытый смысл – это разноплановое явление, как по средствам его выражения, так и по характеру заключенной в нем информации, находящее свое отражение на всех коммуникативных уровнях. Отличаются способы его существования (например, в грамматике и лексике), так как средством представления скрытой информации может стать элемент любого уровня, в том числе и экстралингвистический.

Представляется, что *по способу передачи скрытой информации* следует рассматривать лингвистические, несобственно лингвистические и экстралингвистические скрытые смыслы.

Лингвистически анализируемые скрытые смыслы – это те, которые не имеют специальных средств выражения в языковой системе, однако чье существование в тексте обозначено определенными знаками, индексами скрытой информации (словами с измененной семантической структурой, многозначными единицами, одновременно актуализирующими несколько значений, «оказиональными» образованиями, необычными грамматическими формами, видоизмененными синтаксическими конструкциями, словами с «внетекстовой» нагрузкой и т. п.). Иными словами, говоря о собственно языковом скрытом смысле, необходимо выделить, с одной стороны, сами единицы – знаки присутствия скрытой информации, с другой стороны – типовые формы организации контекста, которые позволяют появиться и проявиться таким скрытым смыслам.

Несобственно языковые скрытые смыслы связаны с использованием особых семантически нагруженных знаков. При всей их внешней разнородности, сходство таких знаков состоит в том, что они, будучи единицами языка, имеющими семантическое значение, в то же время получают дополнительную нагрузку не в данном тексте, но во внетекстовой действительности (в дискурсе). При подходе с позиций «от автора к тексту» исследователь занимается, например, изучением исторической, политической и культурной обстановки в стране, где создавалось произведение и т. д. При таких исследованиях в центре внимания оказываются неязыковые и несобственно языковые скрытые смыслы. Вместе с тем и лингвистический анализ «от текста к автору» дает немало для понимания художественной роли несобственно языковых скрытых смыслов. Единицы с повышенной смысловой нагрузкой представляют собой знаки «филологических» вертикальных контекстов различных видов. Несобственно языковыми скрытыми смыслами становятся также пресуппозициональные, логические, грамматические и т. д. скрытые смыслы, если они получают в тексте дополнительную художественную нагрузку. Так в следующем примере читателю необходимо приложить усилия, чтобы раскрыть скрытый смысл, логически вывести его из общего контекста:

«Eigentlich komisch. Typischer Fall von Machtermüdung. Nichts greift mehr. Aber wissen möchte man schon, wer den Riegel aufgesperrt hat ...» [7, с. 16].

В предложенном высказывании речь идет о падении Берлинской стены и поведении власти до и после падения. До падения стены власть держала людей по разные стороны, не пускала, ловила и наказывала, а теперь вдруг стена пала и проход оказался свободен. «Кто открыл засов?», то есть «кто это сделал?» и «почему не сделал этого раньше?» – вот скрытые вопросы героя. При этом в сознании реципиента возникает образ Берлинской стены, опирающийся на его фоновые знания. Однако никакой «калитки с засовом» там не было. Была преграда, поддерживаемая теми же людьми у власти, которые впоследствии также ратовали за ее устранение. А вот далее, рассуждая на ту же тему, герой говорит следующее:

«... Na, wer hat dem Genossen Schabowsky den Spickzettel untergeschoben? ... Na, Fonty, wem wird das Sprüchlein “Sesam, öffne dich” eingefallen sein?» [7, с. 16].

В этих предложениях актуализация скрытого смысла происходит в результате «отсутствия» логического следования явного смысла имеющейся пресуппозиции, частично выраженной в пропозиции. Так, сложно понять о ком идет речь, если не знать, кто есть Шабовски. Гюнтер Шабовски – немецкий журналист, политический деятель ГДР, был единственным из руководителей СЕПГ, выступившим в знаменитой демонстрации на Александерплац в Берлине 4 ноября 1989. Именно он зачитал сообщение о новом свободном порядке выезда граждан ГДР за рубеж. Эта новость в тот же день привела к падению Берлинской стены, когда тысячи берлинцев направились к пограничным пунктам и требовали их открытия. Во втором предложении с той же целью используется известная практически всем носителям данного языка, довольно распространенная фраза универсального порядка – «Сезам, откройся!» – фраза из арабской сказки «Али-Баба и 40 разбойников» из собрания «1000 и 1 ночь», переведенной на многие языки мира и являющейся классикой мировой литературы.

К экстралингвистическим способам представления скрытого смысла можно отнести, прежде всего, особенности невербального поведения самих коммуникантов, а именно фонацию и кинесику, под которой понимают жесты, мимику и позы (несущие семантическую нагрузку), т. е. фактически движение любой части тела и положение коммуникантов относительно друг друга. Сюда же необходимо включить молчание (коммуникативно релевантное) и невербальные действия коммуникантов, поскольку это тоже особенности их поведения. Как показывают наблюдения, коммуникация не представляет собой сплошного и непрерывного говорения. Вербальная часть всегда содержит коммуникативно значимые вставки молчания. Эти вставки не случайны и очень часто «хранят» в себе скрытый смысл.

Экстралингвистические способы представления скрытой информации имеют особую значимость, прежде всего, при непосредственном живом общении коммуникантов, а в текстовых фрагментах произведений художественной литературы невербальное поведение героев обычно представлено «словами автора». Например:

Zufriedenheit (mit innerer Ruhe und heiterem Gemüte. Ihr Anzug ist griechisch, eine einfache graue Toga, unbedecktes Haupt. Sie tritt aus der Tür, einen Brief in der Hand). Was verlangst du von mir, mein Kind? ...

Die Hoffnung lacht mit, obwohl sie wieder um eine ärmer geworden ist. Die Zukunft kann nicht lachen, weil sie noch nicht angekommen ist. Die Gegenwart lacht nicht, weil sie zu schwer dazu ist. [8, с. 43].

Amor, Zufriedenheit, Hoffnung, Zukunft, Gegenwart и другие действующие лица пьесы Ф. Раймунда «Der Bauer als Millionär» являются аллегорическими образами, возникшими в результате персонификации отвлечённых понятий, и могут рассматриваться как примеры классической аллегории. Они предстают перед глазами реципиента в виде женских образов. Один из них – «Hoffnung» – это молодая бедная женщина, которая от души смеётся, не смотря на свое плачевное положение. Другой образ – «Zukunft» – неясно вырисовывается где-то в далеке, но ещё ничего не слышит, чтобы смеяться. А третий – «Gegenwart» – тяжеловесная женщина пожилых лет, у которой слишком много трудностей, чтобы смеяться.

Таким образом, невербальное поведение самих коммуникантов расширяет смысл текста/высказывания, сигнализирует об эмоциях, состоянии человека, его отношении к коммуникативному процессу. Каждый компонент невербальной коммуникации можно рассматривать как определенный код. Кодирование и декодирование сигналов невербальной коммуникации является сложной задачей, успешное решение которой зависит как от внешней ситуации общения, так и от специальных способностей и социального интеллекта субъектов взаимодействия.

Таким образом, в рамках данной работы были подробно представлены следующие классифицирующие признаки: личностный фактор, степень интенциональности, возможность и способ экспликации, способ представления скрытой информации. Однако для создания полной типологии скрытых смыслов необходимо рассмотреть также и другие критерии: характер заключенной в них информации, функциональный и дискурсивный аспекты и т. д. Из вышесказанного следует, что процесс понимания скрытого смысла как категории

может быть результативным лишь при комплексном подходе к осмыслению события, а детерминантой концепции скрытых смыслов следует рассматривать личностный фактор двойственного характера, позволяющий максимально познать предмет и раскрыть все его сущностные характеристики.

Библиографический список

1. Владимирская, Л.М. Лингвистическое прогнозирование в актуализации скрытых смыслов / Л.М. Владимирская // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики : сборник статей : вып. 3 / под ред. Л.М. Владимирской. – Барнаул : ААЭП, 2009. – Т. 2. – С. 60-64.
2. Масленникова, А.А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация (на мат-ле русского и английского языков) : дис. ... д-ра филол. наук / А.А. Масленникова. – СПб, 1999.
3. Strittmatter, E. Ole Bienkopp. Roman / E. Strittmatter. – Berlin und Weimar : Aufbau - Verlag, 1974. – 428 S.
4. Исаева, Л.А. Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте (на мат-ле русского языка) : дис. ... д-ра филол. наук / Л.А. Исаева. – Краснодар, 1996.
5. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : Едиториал УРСС, 1981.
6. Седов, К.Ф. Дискурс и личность / К.Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004.
7. Grass, G. Ein weites Feld. Roman / G. Grass. – Göttingen : Steidl Verlag, 1995 – 780 S.
8. Raimund, F. Das Mädchen aus der Feenwelt oder der Bauer als Millionär: romantisches Original – Zaubermärchen mit Gesang in drei Aufzügen / F. Raimund. – Stuttgart : Phillip Reklam Jun. GMBH & CO., 1990. – 84 S.

Е. С. Дьячкова

«ОСКОЛОЧНЫЕ» ЭЛЕМЕНТЫ ТЕЛЕСКОПНЫХ СЛОВ КАК ИСТОЧНИК ПОЛУСУФФИКСОВ

В статье рассматривается сущность телескопии, как особого словообразовательного способа, а также возможность становления полусуффиксов на базе «осколочных» элементов телескопных слов.

Ключевые слова: телескопия, «осколочный» элемент, производное слово, полусуффикс.

Е. S. Dyachkova

THE ELEMENTS OF THE CLIPPED WORDS AS A SOURCE OF SEMI-SUFFIXES

The author of the article considers the essence of telescoping (blending) as a specific type of English word-formation and the elements of the clipped words as a source of semi-suffixes.

Key words: telescoping (blending), blends, a derivative, semi-suffix.

Суть телескопии или «вставочного словообразования» (blending, telescoping) заключается в образовании новых слов путем слияния частей двух или более основ, либо усеченной части основы с полной основой [Тимошенко, 1974: 180]. Этот способ создания новых слов получил также название «словослияние» (Ю. К. Волошин, 1971), «контаминация» (К. Л. Егорова, 1985; Т. М. Беляева, 1985), а лексические единицы, полученные в результате данного способа словообразования, называют телескопными словами (Л. Ф. Омельченко, 1981; В. М. Лейчик, 1966), телескопическими словами (М. А. Бельская, 1969), словами-слитками (Ю. К. Волошин, 1971).

Анализ теоретического материала показывает неоднозначное понимание сущности телескопии, единицы которой рассматриваются как особый тип сокращений, синонимичных сложным словам или словосочетаниям; телескопию включают в словосложение (Н. М. Шанский, 1968), в аббревиацию (О. Д. Мешков, 1976; И. И. Борисенко, 1976), а также рассматривают как отдельный самостоятельный способ словообразования (Л. Ф. Омельченко, 1981; Т. Р. Тимошенко, 1974; Е. Б. Черкасская, 1971).

Однако многие исследователи отмечают пограничный характер телескопии (И. М. Берман, 1960; Й. Вашек, 1961 и др.). В частности, И. М. Берман пишет, что «теле-